

А. П. Конкка

ДВЕ ЭКСПЕДИЦИИ: В ПОИСКАХ КАРСИККО С КОНСТАНТИНОМ ЛОГИНОВЫМ В ПУДОЖСКОМ РАЙОНЕ КАРЕЛИИ¹

Резюме

С 1998 по 2013 г. автору довелось участвовать в семи совместных с К. К. Логиновым экспедициях в Пудожский район Карелии, и в частности в Водлозерье — край, которым К. Логинов занимался многие годы как этнограф. Наиболее запоминающимися были первая и последняя экспедиционные поездки, о которых идет речь в статье. Главная цель, которая была поставлена в обоих случаях, — фиксация наличия и изучение карельской традиции карсикко (от карельского слова *karsia* — 'обрубать ветки'), специальным образом отмеченных деревьев-знаков, имевших как практическую, так и религиозно-мифологическую функции, из которых вторая наиболее рельефно проявлялась на старых кладбищах — их, по возможности, также следовало инвентаризировать. Экспедиция 1998 г., в которой К. К. Логинов выступил в качестве организатора и проводника, оказалась на удивление богатой по собранному материалу и открыла для дальнейшего изучения целый регион Восточной Европы, которым автор занимался многие годы. Поездка на р. Водлу была гораздо более «камерной», в том числе по задачам, так как следовало прежде всего подтвердить наличие уже известной в соседних местностях традиции, но каждый район имеет свои особенности и может в деталях преподнести сюрпризы. В любом случае, полевые исследования конца XX — начала XXI в. охватили большую часть Пудожского района и соседнего Кенозерья и позволяют с уверенностью говорить о повсеместном бытовании традиции карсикко в этом регионе.

Ключевые слова: К. К. Логинов, карсикко, кладбища, заброшенные поселения, Карелия, Пудожский район

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

TWO EXPEDITIONS: IN SEARCH OF THE KARSIKKO TRADITION IN THE PUDOZH REGION OF KARELIA WITH KONSTANTIN LOGINOV

Abstract

From 1998 to 2013, the author of this article participated in seven expeditions to the Pudozh region of Karelia and to Lake Vodlozero together with Konstantin Kuzmich Loginov, who studied this area as an ethnographer for many years. The most memorable were the first and the last expeditions, which are discussed in the article. The main objective of both expeditions was to detect and study the Karelian tradition of *karsikko* (from the Karelian word *karsia*, which means “to cut branches”). *Karsikko* are special signs on trees that served both practical and religious mythological purposes. The latter function was most prominent in old cemeteries, of which we also intended to make an inventory. The 1998 expedition, which Loginov organized and guided, turned out to be surprisingly rich in collected material. It opened up a whole region of Eastern Europe for further study. The trip to the river Vodla was much more “intimate”, and our tasks were more modest. First of all, we had to confirm the existence of the *karsikko* tradition there. Although this tradition was already well studied in the neighboring territories, it could have different features, since each area was special and could surprise with details. As a result, the field research performed at the end of the 20th — beginning of the 21st century covered most of the Pudozh region and the neighboring Kenozero. It confirmed the ubiquitous existence of the *karsikko* tradition in this region.

Keywords: Konstantin Kuzmich Loginov, *karsikko*, cemeteries, abandoned settlements, Karelia, Pudozh district

DOI 10.31860/2712-7591-2021-2-23-40

Константин Кузьмич Логинов, и он сам неоднократно с этим соглашался, прежде всего был истовый полевик. Мое знакомство с ним было несколько экстравагантным, но характерным для его тогдашнего способа существования. Как-то в начале осени 1977 г. я пришел утром в институт чуть раньше официального начала рабочего дня и обнаружил за своим столом походный бивуак: на столе какие-то консервные банки, а под ним разложенный на полу спальник, из которого, нещадно извиняясь, вылез помятый молодой человек крепкого телосложения. Выяснилось, что он студент-этнограф, только что из экспедиции, готовит записанные материалы для сдачи в архив, но ночевать негде, а денег уже практически лишь на билет до Питера, где живет и учится. Так началось наше знакомство, которое длилось ни много ни мало 43 года.

Большую часть аспирантуры при Ленинградской части Института этнографии в восточнославянском секторе на рубеже 1970–1980-х гг. мы прочулись с Костей Логиновым вместе, живя бок о бок в общежитии аспирантов на пр. Тореза, что на Выборгской стороне. В то время Костя уже вовсю занимался своим любимым Заонежьем и через десяток лет, в 1993 г., издал две книжки по материальной культуре и семейной обрядности. Потом была работа в проекте В. П. Орфинского «Суйсарь», а в начале 2000-х он окончательно перешел к изучению населения водлозерских деревень.

Позднее наши «полевые» дороги скрещивались (не всегда в одно и то же время) в Варзуге и Гридине, в Юккогубе и Сямозере, на Лёкшмозере и Кенозере, в вытегорских краях, у средних и южных вепсов и, конечно же, в Пудожье. Именно здесь в 1998 г. в районе реки Илексы, в урочищах Калакунда и Луза, состоялась наша первая полноценная совместная экспе-

К. К. Логинов с жительницей Кевасалмы на Водлозере. Фото А. Конкка, 2005 г.

диция, посвященная исследованию старинных кладбищ и деревьев-знаков карсикко (см. [Конкка 2013]), по следам которой К. Логиновым совместно с участницей экспедиции Н. Червяковой были опубликованы статьи в сбор-

нике «Заповедное дело» и в журнале «Carelia» [Логинов и др., с. 135–137; Loginov, Thervjakova, s. 99–103].

В 1998 г. К. Логинов уже работал в созданном несколько лет назад Водлозерском национальном парке, где занимался вопросами истории и народной культуры, собирая одновременно этнографический материал, который в обобщенном виде первый раз увидит свет в монографии о Водлозерье [Логинов]. Работа в парке, помимо прочего, означала, что он брал на себя всю организацию нашей экспедиции. Путь от Петрозаводска до Шалы по Онежскому озеру мы преодолели на комфортабельном «Метеоре». В Шале нас ждала парковская «буханка», на которой мы добрались до Куганаволока (административного центра парка на Водлозере), и далее пошли на МРБ в сопровождении лодок поменьше через Ильинский погост до кордона Новгуда на реке Илексе, а переночевав, отправились на лодках и пешком в сопровождении егеря Михаила Лептюхова до бывших деревень Калакунды и Лузы — около 15 км по лесным тропам.

Нашей целью был поиск деревьев-карсикко, которые могли находиться на развилках дорог, вокруг бывших поселений и кладбищ. У деревьев особым образом обрубались вершины или ветки, могло быть сформировано несколько крон, сделаны зарубки или затесы на стволах, на них вырезаны клейма, инициалы или иные знаки родовой или семейной собственности, в стволы вбиты железные предметы и т. д.

Следует сказать, что меченые деревья встречаются на обширных территориях в полосе хвойных и смешанных лесов в Северной Европе. Однако именно экспедиция 1998 г. стала началом того действительно широкомасштабного исследования, которое было развернуто в последующие годы в восточном и северном направлениях. Территория распространения карсикко, покрывавшая, по представлениям некоторых финских исследователей, лишь области Восточной и Средней Финляндии, а по моим тогдашним наблюдениям, еще и Северную Финляндию, норвежский Финнмаркен, западную и среднюю Карелию, а также точечно некоторые пункты Ленинградской и Новгородской областей, неожиданно пополнилась целым (и, как выяснилось впоследствии, огромным) ареалом. Обнаружилось перспективнейшее направление исследований. Позднее состоялись поездки на Лёкшмозеро и Кенозеро, на Вытегорщину и Белозерье, на Северную Двину, Виледь, Мезень и Вычегду. Водлозерский материал помог осмыслению функции карсикко как инструмента освоения окружающего пространства в полевых исследованиях на р. Кеми, берегах Белого моря, у коми-зырян и марийцев.

Практически все вышеперечисленные формы карсикко мы наблюдали на Ильинском погосте (особо примечательны были две старые ели посреди-

не кладбища, окарзанные на одну треть их высоты), нижней Илексе и Лузском озере. Результаты той, первой поездки в Водлозерский национальный парк превзошли все ожидания. Мы в буквальном смысле попали в страну карсикко! Они были везде — на порогах, вдоль лесных троп, вокруг деревень, на рыбных тонях, они стояли на границах лесных угодий, на кладбищах и по дороге к ним, а самое первое («заветная» сосна) находилось сразу при въезде в Куганаволок — типичное придорожное карсикко на краю поселения, с обрубленными ветвями и глубокими зарубками на стволе, в которые, по материалам К. К. Логинова, отправлявшиеся в дальнюю дорогу жители Куганаволока некогда вставляли свечи. Также они оставляли у корней сосны монеты, вбивали в кору гвозди, а ствол опоясывали жертвенными полотенцами и лоскутами материи.

Тропа вдоль течения Илексы шла по невысокой песчаной гряде, на которой периодически встречались сглаженные временем, но тем не менее хорошо различимые, вероятнее всего, ловчие ямы — здесь некогда охотились на дикого оленя. Место для этого было идеальным: с одной стороны текла река, с другой — начиналось местами довольно топкое, простиравшееся на много километров болото. Но место было идеально также и для охотников на карсикко: рыбная река с несколькими порогами (где рыболовы обычно делали заколы), оленья тропа с ловчими ямами предполагали добычу, а значит, и вырубание промысловых карсикко, которыми отмечали места рыболовной и охотничьей удачи. К тому же карсикко довольно часто можно было увидеть около порогов — знаки успешного их прохождения во времена, когда из ближних и дальних деревень сплавливались по Илексе на лодках в Водлозеро. Особенно много их было перед большими порогами с сильным течением (стихию старались «умилостивить» еще на подходе), каким в этом районе был порог Сиговец. И действительно, вокруг Сиговца деревья были буквально испещрены знаками: вырубленными в деревьях косыми крестами, причудливыми фигурами (скорее всего, родовыми знаками, клеймами), разнокалиберными затесами и зарубками. Некоторые из них затянулись и «читались» уже с трудом.

Скорее всего, большинство знаков на деревьях имело охранительную функцию: мне рассказывали на Севере, что и на местах привалов, ночевок под деревом в лесу или, например, у лесных изб полесовщики вырубали карсикко, которое охраняло человека от возможного посягательства нечистой силы, но некоторые клейма могли обозначать границу рыболовных и охотничьих участков, закрепленных за какой-нибудь семьей или промысловой артелью. Вероятнее всего, охранительной функцией обладала и жертвенная сосна у дороги вблизи Куганаволока. У карел были зафиксированы случаи,

когда деревья-карсикко (иногда с вырезанными в стволе крестами) находились по периметру вокруг поселения, а обновлявший их каждый год житель считал, что таким образом он охраняет деревню от негативного воздействия внешнего мира.

В любом случае, такого скопления деревьев-знаков, сколько их было на водозерских тропах, не встречалось нигде более. Были такие участки, где, подойдя к одному знаку на дереве, уже видишь следующие два-три. Костя, несомненно, гордился, что волею судеб оказался организатором столь богатой материалом экспедиции, да и было отчего — мы оказались первопроходцами. После нашего похода Константин загорелся поисками карсикко, фотографировал и вел записи.

Архаичный знак на дереве — два совмещенных по вертикали ромба, разделенные каждый на четыре ромба поменьше, у которого наверху имеются «рожки». Развилка тропы к скитам, на Гаужозеро. Подобные изображения характерны для некоторых саамских орнаментов. Текст и фото К. Логинова, 2003 г.

Кладбище деревни Калакунды находилось далеко в стороне, «за водой». Здесь надо сказать, что еще одной задачей нашей группы было сопроводить на это самое кладбище для посещения родительских могил старейшую жительницу деревни Евдокию Демидову (бабу Дуню), преодолевшую с нами весь путь от Куганаволока. Здесь наши интересы совпадали. Мы сели на перетащенные егерями через пороги легкие лодки (вот для чего они сопро-

вождали нас по озеру!) и двинулись вверх по узкому правому притоку Илексы — Жилому ручью. Через пару километров пути лодки причалили к поляне, где, по рассказу бабы Дуни, некогда стоял дом Демида — патриарха рода Демидовых. Сразу за поляной начиналось кладбище с полуразвалившимися крестами и домовинами (так называемыми «домиками мертвых»). Несомненно, что большая часть надгробных сооружений уже ушла в землю безвозвратно. Кое-где на могилах виднелись груды камней. На соснах, обозначая границы кладбища, были сделаны большие затесы. У входа на кладбище с двух сторон на высохших елях вытесаны косые кресты — древнейшие охранительные знаки. На фоне зелени выделялись и другие окоренные деревья. Вдоль их стволов были вырезаны инициалы, иногда по нескольку штук. Около одного такого дерева, под которым стояли два относительно сохранившихся восьмиконечных креста с «крышами», баба Дуня остановилась, подтянула верхний край платка на глаза и, полулежа на земле, начала причитывать. Это были могилы ее отца и матери. Мужчины, разбиравшие и распиливавшие завалы из упавших на могилы деревьев, притихли. Здесь, в бесконечной тайге, вдруг зазвучала исконная музыка этих лесов — голос причитальщицы, который должны были на том свете услышать умершие предки, понимавшие или слышавшие только язык причети...

Карсикко — инициалы АИФ — на тропе Новгуда — Калакунда. Фото К. Логинова

Вкусив поминальную трапезу, а именно рюмку водки с рыбником и тройной ухой, которую егеря успели сварить на костре, наша группа отправилась на Лузу, во владения Михаила Лептюхова. Путь был длинный, нам

встретилось много болот и перелесков, в которых вдоль нашей тропы в начинающихся сумерках то и дело мерцали отраженным светом таинственные фигуры, сделанные на деревьях проходившими здесь 60, 70, а может, и сто лет назад жителями уже исчезнувших деревень.

В деревне Лузе, известной уже по документам XVI в., в 1890-х гг. было несколько десятков домов, около 200 жителей, школа, две часовни и Петропавловская церковь. Советская власть уничтожила не только храм, но и саму деревню: по сведениям нынешнего потомка рода Медведевых Сергея, весной 1954 г. жителям пришлось распоряжение покинуть ее. Приказ, по рассказу Натальи Червяковой, интервьюировавшей местных жителей, следовало выполнить в 24 часа. Деревня была оставлена с полными амбарами, закромами и сундуками нажитого добра, с собой дали взять только скот да личные вещи. Жителей переселили в рыбколхоз «Энергия» (бывш. «Тармо») в Ура-Губе на Кольском полуострове, некоторые семьи попали в города Онегу и Медгору (Медвежьегорск), некоторые — в лесные поселки Водла и Кубово. Собственно, та же судьба постигла и деревню Калакунду.

Лузское озеро, через западную оконечность которого протекает река Илекса, протянулось на десяток километров с запада на восток. Деревня располагалась на юго-восточной его стороне, на более высоком, чем окружающие берега, мысу. Кругом же, перемежаемые перелесками и мелкими озерами, были сплошные болота, или, по-местному, «мхи»: Пимзямох, Течемох, Валимох, Конный, Коровий, Грядоватый, Бугровый, Крестовый, Семиверстный, Залазной Мох («залазью» в Архангельской губернии называли карсикко), Леймамох и множество «мхов» поменьше.

В Лузе стояло два жилых дома: один — кордон, жилище егеря, где обитала семья Лептюховых, второй был построен для туристов. Мы разместились у Лептюховых. Они (хозяйева с двумя детьми) жили в Лузе к тому времени лет пять и выглядели вполне довольными. Продукты в Лузу привозились зимой на «буранах» сразу на несколько месяцев, хлеб хозяйка Татьяна пекла сама, мясо и рыбу доставляли к столу мужчины, картошка и овощи росли в огороде, за грибами и ягодами не надо было ходить дальше ближайшей опушки, а за клюквой и морошкой — до ближайшего болота. Все было под рукой, и даже прокормить в течение нескольких дней всю нашу компанию не представляло труда.

Ощувив под ногами твердую хозяйственную почву, мы развернули свою основную деятельность. Прежде всего, услышав от Е. Демидовой о кладбище, о котором, по ее словам, многие и не ведали, потому что раньше на нем хоронили только некрещеных детей, мы погрузились в лодку Михаила и отправились на ближайший к деревне островок, всего в нескольких сотнях

метров от берега, расположенный в северо-западном направлении от места бывшей церкви (по словам Сергея Медведева, остров назывался Тяга). Остров состоял из низкой восточной части и высокой западной, на склонах которой мы скоро наткнулись на человеческие, скорее всего детские, кости. Их вымыло со склона водой, что сразу дало возможность сделать вывод о неглубоком захоронении останков. Да, некогда здесь действительно хоронили. На самой вершине бугра, высотой около 5–6 метров, стояла толстая кряжистая сосна в два обхвата, возраст которой мог быть между 300 и 400 годами. Сергей Медведев поведал нам (в 2021 г.), что некогда на острове росли три большие сосны и существовала легенда, что там (под соснами?) были похоронены три сестры. Эта легенда напоминает нам о другом предании, услышанном Н. Харузиным в деревне Ананьево на Купецком озере (в Пудожском уезде), о «панской сестре», из косы которой на ее могиле выросла сосна. Ее «пробовали рубить, да не смогли». Сакральность места подчеркивается тем, что «под этой сосной устраиваются „гулянки“ на Петров день» [Харузин, с. 61–62]. Примерно такое же ощущение — попытки срубить дерево — складывалось, когда мы посмотрели на нашу сосну с северо-западной стороны, с которой в стволе оказалась большая вырубка-щель длиной около двух метров и глубиной до середины ствола. Скорее всего, такой «затес» образо-

Деревня Луза и остров Тяга. С сайта «Национальный парк Водлозерский».
<http://vodlozero.ru/kultura/istoricheskie-poseleniya/luza/#gallery-1>

вался, когда оставляли зарубку на дереве по поводу каждого похороненного на острове некрещеного ребенка. В ствол на уровне груди человека были вбиты несколько железных гвоздей. Железо — известный апотропей, и на кладбище его охранные свойства проявляются особенно отчетливо.

Место кладбища — на острове — являет собой образец древнейшей традиции захоронения «за водой», широко известной на севере Восточной Европы. Вода, по представлениям многих народов мира, является тем естественным препятствием, которое умершие (представители иного мира) не способны преодолеть.

Вероятнее всего, теми же представлениями руководствовались и при определении места второго кладбища деревни, которое находилось в восточном конце Лузского озера, при впадении в него речки Мельничной, в 2,5 км от места церкви. Оно было хорошо видно из деревни и представляло собой островок леса посредине топкого болота, куда вела провешенная местами тропа. По дороге у тропы на нескольких деревьях встретились затесы и зарубки, притом некоторые из них были вытесаны на березах. На полпути на кладбище, на южной стороне бывшего поля, на ели встретился большой затес — в длину 150, а в ширину около 20 см, на зарастающей поверхности которого были сверху вниз вырезаны инициалы МАМ (одна из букв, вероятно, обозначала наиболее распространенную в Лузе коренную фамилию Медведев). Через болото, напротив кладбищенского «острова», на старой сосне с высохшей вершиной со всех сторон ствола было шесть зарубок, а вершина представляла собой четырехпалую «горсть» — четыре толстых ветки, устремленных в стороны и вверх — следствие обрубания вершины дерева. На развилке троп стояла сосна с большой зарубкой, что обычно для развилок на путях, но похоже, что знаки на деревьях, судя по их расположению, в том числе вырезанные на них инициалы, обозначали границы полей и пожен, то есть были знаками собственности определенной семьи или рода. Возможно, именно поэтому (сосен и елей не оказалось в том месте, где следовало сделать знак) зарубки делались на березах.

Кладбище на реке Мельничной, по словам Сергея Медведева носившее название Пастушья Горка, было размером не более 80×50 м. Здесь мы обнаружили только два небольших деревянных креста, но были явные следы обкладки могил камнями — более древняя традиция, вполне возможно, как заметил К. Логинов, восходящая к лопарской. В свою очередь, скажу, что она широко известна и у карел. Ориентация могил: восток — запад, то есть в том же направлении, в котором был вытянут остров.

На большей части деревьев на кладбищах Калакунды и Лузы были вырезаны в стволе знаки или обрублены ветви. Здесь, на Пастушьей Горке,

было много карсикко с глубокими затесами. На поверхности некоторых таких затесов вырезаны инициалы умершего. Такова была сосна 123 см в обхвате, на стволе которой в 30 см от земли сделан длинный затес (12×73 см), вдоль которого вырезаны буквы МГВ. На другой, менее толстой (в обхвате 78 см), уже засыхающей сосне надпись была вырезана не вдоль, а поперек ствола. На верху зарубки читалась дата 10 / V 1934, ниже буквы МЯП. Затес был высотой 52 и шириной 28 см. Похожие даты смерти были обнаружены нами на стальных табличках с нержавеющей покрытием, привинченных к стволу средней толщины сосны в 90 см от земли. На них мы прочитали: «Медведев Григорий Васильевич 1850—1938» и «Медведева Василиса Прокофьевна 1860—1941». Скорее всего, после войны здесь уже никого не хоронили.

Такова была эта похоронная статистика: знак на дереве оказывался последним, а чаще всего, и единственным материальным свидетельством существования человека в несуществующей деревне Лузе. И ведь далеко не всегда по этим отметкам удавалось его идентифицировать, в большинстве своем это была просто зарубка. Так, посредине кладбища стояли еще два дерева с крупными затесами: на относительно толстой сосне (окружностью 158 см) высотой 30 и шириной 20 см, а на соседней ели (180—190 см в обхвате) в метре от земли был вырублен ромб высотой 42 и шириной около 20 см.

На южном краю деревни, уже в лесном массиве, около развалившейся часовни XIX века, практически без крыши, но со следами красной краски на двери и зеленой — на сохранившихся досках иконостаса (сейчас часовня Успения выстроена вновь), находилось третье кладбище д. Лузы. За оставшееся время я изучил каждое его дерево и впоследствии по записям нарисовал схему, судя по которой явных карсикко на кладбище было 17 штук (помимо того, было еще несколько искривленных деревьев, возможно некогда обработанных человеком). Из них шесть деревьев с обрубленными ветвями (три ели и три сосны, причем на соснах еще и зарубки), остальные — с затесами и зарубками на стволе, из которых десять сосен, две ели и две березы.

На кладбище нашлось пять крестов разной сохранности, на одном была надпись: 1948, а на обратной стороне — буквы МСО или МГО. У часовни была могила со столбиком и металлической табличкой (такой же, как на Пастушьей Горке), гравировка на которой гласила: «Медведева Марфа Матвеевна 1896—1942». Еще два относительно хорошо сохранившихся под густой елью креста (без надписей) указывали на традиционный для северного кладбища цвет: они были выкрашены синей краской. Интересно, что здесь не сохранилось (или не делалось) вырезанных на деревьях дат и инициалов умерших. Только на одном дереве в южной части кладбища обнару-

жилась вырезанная в затесе буква М. Опять же, что касалось обрубания ветвей, то на Пастушьей Горке находилась только одна, в центре кладбища стоящая сосна, у которой на 2–3 метра были обрублены все сучья. Для ответа на вопрос, почему так, а не иначе, необходимо иметь больше информации о кладбищах, — информации, которая, скорее всего, навсегда ушла в землю с последними жителями Лузы.

Осенняя погода не дает долго размышлять, и поэтому мы не стали ждать ее ухудшения и в погожее утро 10 сентября распростились с гостеприимным домом Лептюховых, двинувшись в обратный путь, который не обошелся без приключений. Начало пути прошло под прибаутки и фотографирование знаков на деревьях: погода была хороша, а тропа знакома. И вот, пройдя большую часть пути до Илексы, мы решили срезать по лесу до Калакунды. Лучше бы мы этого не делали! Пройдя опушкой леса вдоль мохового болота порядочное расстояние, когда уже начал ощущаться вес рюкзаков, мы углубились в заваленный валежником лес, который оказался просто залит водой из Илексы. Осеннее половодье! Мы брели по колено в воде, не видя под ногами ни кочек, ни камней, ни древесных корней, периодически проваливаясь с рюкзаками за спиной в ямы, выбираться из которых без помощи товарищей было очень трудно. Эти последние три километра стоили двадцати!

В конечном итоге под Сиговцом нас встретил отправленный руководством парка МРБ, на нем мы, полюбовавшись в нижнем течении Илексы золотой осенью, вышли на Водлозеро, которое в этот раз показало, на что оно бывает способно. Волны разгонялись в северной его открытой части чуть не до двух метров высоты, МРБ нырял среди них, как шлюпка, пристать к берегу даже в середине озера, в Канзанаволоке, не было никакой возможности, но мы с Костей Логиновым на крыше будки, обернувшись плащами, обдуваемые ветром и омываемые брызгами, были счастливы — это была наша стихия!

* * *

Всего в Пудожский район в 1998–2013 гг. состоялось семь совместных с К. Логиновым экспедиционных поездок, из которых четыре (2005, 2008, 2011 и 2013 гг.) — непосредственно на Водлозеро². Кроме того, в 2009 г. по гранту РГНФ мы работали в районе Колодозера — Пелусозера — Корбозера в юго-восточной части Пудожья, а также в Кривцах. Вторая и послед-

² Материалы поездки 2005 г. были частично опубликованы в дневнике экспедиции в сборнике Водлозерского парка [Конкка 2006]. Об экспедиции 2011 г. см. отчет К. К. Логинова, опубликованный на сайте Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Северного Арктического университета: <https://narfu.ru/folk/novosti-tsentra/293441/>.

няя моя с Константином Кузьмичом поездка состоялась в августе 2013 г. в деревню Водла.

В 2013 г. мы уже побывали в совместной с питерскими антропологами экспедиции на Водлозере и занимались обработкой полученных материалов, когда, ближе к осени, Константин Кузьмич предложил мне «прокатиться» на его машине до Водлы — деревни и бывшего поселка лесозаготовителей на востоке Пудожского района: «Давно хотел тебе показать водлинские карсикко, которых там пруд пруди». На этом и порешили. Карсикко, правда, появились задолго до Водлы, но об этом по порядку.

Путь наш пролегал через Пудож, но сначала мы вместе с нашими товарками — москвичками Яной Михайловной и живописателем Водлы Анной Семеновной Монаховой (см. [Монахова]) — заехали в Красноборский — обычный лесной поселок с типовыми домами 1970—1980-х гг., в одном из которых проживала Клавдия Михайловна Устинова, родившаяся в 1926 г. в д. Рахойла Канзанаволокской волости (на Водлозере). Информатор оказался очень интересным, она рассказывала о многом: о жизни в Рахойле, о верованиях и обрядах, в том числе о лечении, демонстрировала тетради с заговорами и песнями, которые К. Логинов по ходу действия фотографировал. Записали около трех часов этнографического и фольклорного материала. Из услышанного запомнилось, что лешего здесь звали *лемба* (ср. карельское *lembo* — 'черт', 'лесной дух'), а за гадающими в рождественские праздники, которые припадали ухом к земле и слушали, но, испугавшись, убегали, гнался в виде стога сена злой дух *Святке*.

В Пудоже мы остановились у Валентины Михайловны Мининой, радушной хозяйки, работавшей долгие годы в местном краеведческом музее и являющейся соавтором книги о пудожской вышивке [Бакирова, Минина], которую она нам радостно продемонстрировала. Это действительно был большой во всех отношениях труд. Наутро хозяйка повела нас на прогулку вдоль реки Водлы, которая течет в черте города. Тропа доходила до берега и сворачивала вправо, влево ее не было видно. В этом месте на другой стороне реки начинался берег деревни Харлово, а здесь был перевоз, куда причаливали лодки из деревни. Валентина Михайловна рассказала, что зимой, во время лыжных походов, неоднократно замечала странные обрубленные и отмеченные зарубками деревья вдоль тропы. Наблюдения оказались точными. Вдоль тропы, идущей по берегу, действительно оказалось большое количество карсикко, предположительно на местах ловли пудожанами рыбы и местах причала лодок из Харлово. Их было не менее восьмидесяти — большие затеси на огромных соснах и обрубленные «с остатком» толстые ветви на 5, 10 и даже 15 метров от поверхности земли. А на повороте к Во-

Сосна-карсикко на берегу Водлы напротив Харлова. Пудож. Фото А. Конкка, 2013 г.

дле, в самом начале тропы, на первой же крупной сосне (с раздвоенной вершиной) был обнаружен вырезанный в стволе православный крест. Высота его была 68, а ширина 45 см. Судя по его форме, зарастающим корой краям и патине на поверхности зарубки, его могли вырезать не позднее рубежа XIX и XX вв.

В Водлу попадали через поселки Кривцы и Кубово. В 2009 г. мы с К. Логиновым обследовали кладбище в Кривцах и были поражены количеством и разнообразием на нем карсикко. Несмотря на то что Кривцы давно не просто деревня (в советское время там был крупный леспромхоз), традиция вырубания карсикко на кладбище сохранилась по сей день. Возможно, что это связано и с известной консервативностью похоронного обряда как такового.

В Водле нас встретила Татьяна Ивановна Грибкова — краевед и создательница школьного музея, бывшая учительница и депутат. В одном из домов

К. Логинов демонстрирует старые орудия лова на р. Водле. Фото А. Конкка, 2013 г.

Грибковой, который она держит в качестве дома приезжих, мы и остановились. В первый же вечер она повела нас на острова прямо напротив нашего жилья. Мы побывали на пороге Печки и на мелких безымянных островках, которых тут множество (они растянулись напротив деревни и поселка на не-

сколько километров), и на каждом из них стоят деревья-знаки. Карсикко на реке было, пожалуй, больше, чем вдоль русла Илексы. Они были связаны как с рыболовством (вдоль реки периодически попадались остатки старых заколов и мерд), так и с прохождением порогов, что, особенно весной и осенью, было непростым делом. Карсикко над или под порогами — явление, широко распространенное в Карелии. Мы обнаружили два-три карсикко на больших соснах, помимо тех, которые уже были известны моим спутникам. К старым примешивались и новые «карсикко» — небезызвестные объяснения в любви в виде инициалов влюбленных и вырезанных в коре дерева сердечек. Кстати, традиция вырезания инициалов на дереве, как то было в Лузе и Калакунде, здесь отсутствовала. Лишь на салмозерском кладбище, в соседнем кусте деревень, встретилось два таких случая; кроме того, инициалы были написаны краской на четырех крестах и домовинах.

На следующий день для начала мы осмотрели местный школьный музей и познакомились с его нынешним хранителем, учительницей Натальей Бархатовой, подготовившей, кстати, еще во время обучения в старших классах реферат по карсикко, который занял 2-е место на районном конкурсе «Мой край Карелия». Музей, занимавший два зала, производил впечатление богатого, там была даже святочная маска из высушенной кожи с головы настоящего медведя!

Теперь следовало попасть на Погост, а для этого сходить к знакомым К. Логинова Александру и Галине Саватеевым. Для начала, как водится, было застолье, рассказы хозяина о своей жизни в разных уголках России, рассуждения и выбор плавсредства. Потом переезд на Погост, на противоположный берег реки. Погост — это длинный мыс на западном берегу Водлы, при высокой воде превращающийся в остров. Кладбище находилось на север от церкви (фундамент бывшей Троицкой церкви, сгоревшей в 1960-х гг., отчетливо просматривался в нескольких десятках метров от него). На кладбище обнаружили интересные надгробные срубы, состоящие из двух-трех плах (в виде ящичков). Также там встречались очень глубокие, а значит, старые зарубки разной формы как на соснах, так и на толстых елях. Карсикко, в том числе парочка сосен с обрубленными сучьями, имелись и в округе. Цвет оградок и крестов был строго в сине-зеленой гамме. С берега в реку выступал «Разбойный камень», с которого, по преданию, совершал в былинные времена набег на лодки, поднимающиеся по реке, некий разбойник.

Завтрак на следующий день был ранним: день был посвящен походу на Салмозеро. Там вокруг озера находилось несколько заброшенных деревушек, куда нас взялся проводить муж Татьяны Ивановны Александр Гаврило-

вич Грибков. Карсикко на перекрестье троп стало попадаться уже по дороге. Мы направлялись на старое кладбище около бывшей д. Еремеевской, в 3 км от Кузнецовской, где находилась Георгиевская церковь постройки 1881 г. Кладбище было расположено на возвышении — песчаном бугре с хвойным лесом, который окружал лиственный лес, выросший, скорее всего, на бывших полях и пожнях. На окружающих его деревьях рощи и внутри, около могил, было зафиксировано больше 20 различной величины зарубок на соснах (длиной от 10 см до 1,5 м), но не было ни одного явного дерева с обрубленными ветками. Обнаружено семь домовин в разном состоянии сохранности (по-местному, «кивотки»), возле одной из них на земле была найдена небольшая деревянная фигурка — чудом сохранившееся грубо вытесанное топором антропоморфное изображение, бывшее некогда на крыше намогильного сооружения. Ориентация могил, в отличие от Илексы (запад — восток), здесь юго-запад — северо-восток, как на большей территории Карелии и сопредельных с ней местностей.

Традиционное расположение кладбища для этих мест — к западу и северо-западу от деревни. Так расположены Погост на Водле, салмозерское кладбище относительно церкви, кладбище в Кривцах. И, похоже, так же, на северо-запад от деревни, находится и кладбище деревни Кубово. Кстати, так были расположены старейшее в Лузе кладбище на острове и кладбище в Калакунде, на Жилом ручье.

Перекусив данными нам в дорогу хозяйскими пирогами, дошли мы и до Кузнецовской, где сохранилась пара изб, превращенных в приюты для охотников и рыболовов. Церковь на пригорке показалась нам даже слишком величественной для столь небольших деревень, но внутри не было никакого признака культового сооружения — голые стены. Возможно, что после революции она радикально поменяла свое назначение.

Заглянув на следующий день на новое (поселковое) кладбище Водлы, где стояла только что отстроенная часовенка, мы решили продолжить наш рейд по островам. Александр Саватеев с удовольствием нам показывал свое рыболовное хозяйство, комментируя устройство брошенных по берегам сетей и несколько дивясь нашему интересу к порубкам на деревьях. Надо сказать, что на островах встретились и классические примеры сосен с несколькими вершинами, что происходит, когда отрубается верхушка дерева. Прошли мы и по тропе по другую сторону реки. Но следовало возвращаться в город. Водла была пройдена вдоль и поперек, так нам, по крайней мере, казалось.

В Петрозаводск возвращались ночью, несмотря на то что спокойно переночевали в Пудоже. Что-то нас не отпускало. Вероятно, потому, что такие,

даже короткие, поездки в другие края всегда воспринимаются как маленькая жизнь, имеющая свое начало и свой конец.

Список литературы

- Бакирова, Минина — Бакирова О. И., Минина В. М. Народная вышивка Пудожья. М.: Древнее и современное, 2012. 399 с.
- Конкка 2006 — Конкка А. П. Карта сакральных мест: в поисках утерянных ориентиров // Водлозерские чтения: Естественно-научные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера. Петрозаводск: [б. и.], 2006. С. 187–201.
- Конкка 2013 — Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
- Логинов — Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 277 с.
- Логинов и др. — Логинов К. К., Червякова Н. В., Фомкин В. И. Культура «карсикко» на Русском Севере // Заповедное дело: научно-методические записки комиссии по заповедному делу. 1999. Вып. 5. С. 135–137.
- Монахова — Монахова А. С. Дивная Водла-земля: [Сб.: в 2 т.] / Науч. ред. К. К. Логинов. М.: Вариант, 2012. Т. 1. 368 с.; Т. 2: (продолжение). С. 369–751.
- Харузин — Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М.: Типография А. Левинсон и К^о, 1889. 73 с.
- Loginov, Thervjakova — Loginov K., Thervjakova N. Vodlajärven karsikot // Carelia. 2000. No. 5. S. 99–103.

References

- Bakirova, O. I., Minina, V. M. (2012). *Narodnaya vyshivka Pudozh'ya*. Moscow: Drevnee i sovremennoe. 399 p.
- Kharuzin, N. (1889). *Iz materialov, sobrannykh sredi krest'yan Pudozhskogo uezda, Olonetskoj gubernii*. Moscow: Tipografiya A. Levinson i Ko. 73 p.
- Konkka, A. (2013). *Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiisko-finskikh narodov*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 286 p.
- Konkka, A. P. (2006). 'Karta sakral'nykh mest: v poiskakh uteryannykh orientirov', in: *Vodlozerskie chteniya: Estestvenno-nauchnye i gumanitarnye osnovy prirodookhrannoi, nauchnoi i prosvetitel'skoi deyatel'nosti na okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh Russkogo Severa*. Petrozavodsk: [s. n.], 187–201.
- Loginov, K. K. (2006). *Etnolokal'naya gruppa russkikh Vodlozer'ya*. Moscow: Nauka. 277 p.
- Loginov K. K., Chervyakova, N. V., Fomkin V. I. (1999). 'Kul'tura "karsikko" na Russkom Severe', *Zapovednoe delo: nauchno-metodicheskie zapiski komissii po zapovednomu delu*. Moscow, 5, 135–137.
- Loginov, K., Thervjakova, N. (2000). 'Vodlajärven karsikot', *Carelia*, 5, 99–103.
- Monakhova, A. S. (2012). *Divnaya Vodla-zemlya*. K. K. Loginov, ed. Moscow: Variant, Vols. 1–2. 751 p.